

В. Н. СТОРОЖЕВ

**Император Александр I
и русский правительственный либерализм
начала XIX века**

<Фрагмент>

Царствование императора Александра I началось событиями ночи с 11 на 12 марта 1801 г. и закончилось пушечной пальбой 14 декабря 1825 г. Между смертью Павла I и расстрелом декабристов есть глубокая внутренняя связь; но социальная подкладка явлений была глубоко различна: в XVIII в. только революция лиц, в XIX в. имеются налицо признаки революционности настроений. Еще современники мрачной ночи с 11 на 12 марта 1801 г. и даже непосредственные участники драмы в Михайловском замке открыто указывали на «безрассудность разрыва с Англией, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ее экономическое благосостояние». Во мраке упомянутой ночи впервые выдвинулась на политическую сцену фигура царя Александра, а на утренней заре появились обманчивые признаки либеральных надежд...

Царь Александр родился в Петербурге 12 декабря 1777 г. Лирик В. П. Петров¹, императрицын библиотекарь, приветствовал его рождение одой, в которой уверял, что

Ему поклонятся языки,
Днесь станут ране цвезть древа,
Его почтут земны владыки...
Волков уже не будет боле...

Мальчик попадал в ужасную обстановку родственных отношений, построенных на начале кровавой мести; его окружала прекрасная внешность бесконечных наслаждений двора, среди которых танцы и флирт занимали первое место: он разрывался на части между императрицей-бабушкой и опальными родителями, приютившимися в солдатско-прусской обстановке Гатчинского двора. Мать

Александра — императрица Мария Феодоровна — подобно деду и бабушке, была также немецкого происхождения, вюртембергская принцесса Доротея-София-Августа-Луиза. Усвоив себе черты психологии своей немецкой родни, Александр I должен был испытать на себе приемы интернационального тепличного воспитания. Его нянькой была Прасковья Гесслер, англичанка, жена камердинера; главным воспитателем был назначен генерал Н. И. Салтыков, дворцовый угодник и льстец, буфер между петербургским и гатчинским дворами, ширма, за которой скрывалась сама императрица, очень высоко думавшая о своих дарованиях по части воспитательной. В 1793 г. Екатерина говорила своему секретарю А. В. Храповицкому², подчеркивая испорченность Павла и красоту Александра: «Какая разница между воспитанием его и отцовским! Там не было мне воли сначала, а после по политическим причинам не брала от Панина. Все думали, что ежели не у Панина, так он пропал». Наконец, в 1784 г., к Александру был приставлен швейцарский гражданин Фридрих-Цезарь Лагарп, беспочвенный республиканец, носитель отвлеченных идей XVIII в., причем ему прежде всего поручалось говорить с воспитанником по-французски. Республиканизм Лагарпа не мог быть страшным; впоследствии, когда его в сущности уже никто не просил, он давал политически благонадежные советы относительно самодержавия и крепостного права. Наставником христианского закона, как тогда выражались, был приставлен А. А. Самборский³, женатый на англичанке, бритый и щеголявший в светском костюме. О воспитании Александра должно сказать только одно: всему он учился сам, ибо выучить его ничему не могли, а старались словами внедрить в него то, чего на деле наблюсти было нельзя. С современной точки зрения ничего не может быть ужаснее такой школы. За время, пока он был цесаревичем *in spe*, ему не было возможности приобрести какие-либо серьезные и прочные знания; вместо науки господствовала фраза, вместо спокойной и разумной обстановки — кипучее разнообразие, бесконечная интрига и ничем не прикрытый цинизм временщицеской знати и ее прислужников... Сама императрица далеко не обманывалась относительно возможных результатов дворцового флирта и рано завязала сношения с Западом по части подыскания немецкой супруги для Александра. Еще 7 сентября 1783 г., когда «будущему венценосцу» пошел только седьмой год, баденский поверенный в делах, кавалер Кох, представил императрице записку о прелестях пяти маленьких дочерей наследного принца Баденского, из которых Луизе пошел четвертый год. По словам Коха, у нее были все качества: “*jolie, gracieuse, enjouée, elle prévient singulierement du premier abord; la fraicheur de son teint, ses cheveux blonds; de grands yeux bleus tres-expressifs, une bouche*

bien formée et sur laquelle le sourire le plus agréable est niche, offre un ensemble des plus piquants” («красивая, грациозная, жизнерадостная, она располагает к себе с первого же взгляда; свежесть ее лица, ее светлые волосы, большие голубые и очень выразительные глаза, губы красивой формы, на которых играет самая приятная улыбка, создают пленительнейший образ»). В конце 1790 г. чрезвычайному посланнику и полномочному министру во Франкфурте-на-Майне графу Н. П. Румянцеву было поручено изучение баденского двора и особенно принцессы Луизы. Описывая Луизу и ее сестру Фредерику⁴, Румянцев делает характерное замечание, что «изучать детей вообще очень трудно тому, кто мало их видит». Румянцев нашел, тем не менее, что Луиза «слишком развита для своих лет», а Фредерика развита «гораздо менее, чем бы ей следовало». Деликатная миссия Румянцева была проведена с полным успехом, и 31 октября 1792 г. обе баденские принцессы, и Луиза, и Фредерика, были привезены в Петербург. На Луизу пал окончательный выбор императрицы, и 10 мая 1793 г. по воле последней 15-летний Александр и 14-летняя Луиза были объявлены женихом и невестой. Тогда же отцу жениха, Павлу, наносилось бестактное публичное оскорбление: сыну назначен был больший по составу двор, чем бывший у отца. Это обстоятельство не могло пройти незаметным для наблюдательного Александра. Ужас создавшегося положения для «будущего венценосца» был несколько понятен и для современника-воспитателя, который записал, что Александр «отстал нечувствительно для всякого рода упражнений, пребывание его у невесты и забавы отвлекли его высочество от всякого прочного умствования; положение — бесполезное для будущего времени». Другой современник, граф Ф. В. Ростопчин, рассказав о «необыкновенной пышности» жизни в это время, говорит, что второй малый двор составил из «глупцов и вертопрахов», что «историям нет конца» и что Александр, «окруженный тупоумными людьми, освоился с глупостью»... Тот же Ростопчин выразил опасение, как бы эта женитьба не повредила Александру. 28 сентября 1793 г. состоялась свадьба Александра и Елизаветы... «C'est Psyché unie à l'Amour» («Это союз Психеи с Амуром»), — писала Екатерина принцу де Линю⁵. Несколько иначе писал в своих записках А. Я. Протасов, помощник Н. И. Салтыкова: Александр «прилепился к детским мелочам, а паче военным, и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно; всем таковым непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельницею супруга... Хотя я и толковал, что поступки благородного человека не должны были походять на поступки низких людей, но все было без успеха». Александр, продолжает Протасов,

завел интимные разговоры с некоторыми придворными кавалерами, которые должны были ввести его в круг весьма вредных вещей... «Причина сему — ранняя женитьба и что уверили его высочество, будто уже можно располагать самому собой». И Ростопчин, и Протасов особенно нападают на роль графини Шуваловой⁶ — «лукавейшая тварь, сплетница, кокетка», женщина, чуждая какой-либо «благопристойности». Шел день за днем, быстро миновали всякие следы брачного угара. Елизавета начинала оставаться одна, а мальчик-муж, «совершенно отстав от упражнений, назначенных с учителями, упражнялся с ружьем и в прочих мелочах, разными шутками с парикмахером Романом и прочими комнатными, — несвойственными никак с данным ему воспитанием... лень и нерадение совершенно делают ему вред». Отзывы Протасова и строги, и правдивы; они очень напоминают забавы Петра III, но по существу они еще ничего не доказывают, только рисуют условия, среди которых слагалась жизнь Александра-мальчика. Напротив, весьма ценно изучить, как Александр все-таки справился со многим в своей дальнейшей жизненной карьере, не потерялся и не погиб, подобно своему деду и своему отцу. Екатерина с самого рождения Александра страшно боялась возможности влияния на него отца; мальчик с первых проблесков своего сознания должен был разрываться между Зимним и Гатчинским дворцами, между экзотической теплицей и военной кордегардией, между блеском и величием Екатерины и приниженностью своего отца, между всесильными временщиками и на все готовыми дамами. В Гатчине воскрес Петр III и вдохновил Александра: здесь были свои гатчинские войска с 1782 г., не современные и не русские, а немецкие; здесь жила старая Пруссия времен Фридриха II.

Из Гатчины Александр вынес увлечение фронтом, солдатской выправкой, экзерцирмейстерством, парадоманией; это было единственное его увлечение в жизни, которому он никогда не изменял и которое он бережно передал своему преемнику. В Гатчине же Александр нашел свою правую руку, своего сторожевого пса и горячего исполнителя своей воли, Алексея Андреевича Аракчеева, которого однажды сам же назвал под шумок мерзавцем. Мало того: из Гатчины Александр вынес критику екатерининского царствования, то отрицательное к нему отношение, которое сохранял всю жизнь... В Гатчине же Александру говорили, что «с людьми следует обращаться, как с собаками». С 1780 г. отношения Екатерины к Павлу становились все более острыми; Александру приходилось все время быть настороже и лицемерить, лавируя между странностями отца и прихотями бабушки. К 90-м годам XVIII в. Павла ненавидела не одна Екатерина, об этой «ненависти и отвращении» к нему пишет Ростопчин. В 1791 г.

уж был готов екатерининский план лишить Павла престола; в 1794 г. Екатерина уже объявила о своем плане Совету. Павел не мог не знать о намерении императрицы лишить его престола в пользу Александра; он сгорал от негодования и ярости. Александр I тоже знал о намерении императрицы и очутился в совершенно невероятном положении. Намерению Екатерины не стал содействовать Лагарп, и его убрали из России. Лагарп уехал из России после аудиенции у Павла 27 апреля 1795 г. Павел, приходивший в содрогание при одном слове якобинец, обнял республиканца Лагарпа и подарил ему свои перчатки, чтобы тот мог пройти полонез с великой княгиней Марией Феодоровной, его женой... Лагарп заклинал Павла быть другом Александра, его сына, и всегда обращаться к нему открыто и прямо, а не через третье лицо. Лагарп плохо знал своего воспитанника. Воспитанник писал недурно и оболъстительно. В письме от 21 февраля 1796 г. Лагарп читал о намерении Александра «отказаться впоследствии» от престола и своего звания, которое «с каждым днем становится для меня все более невыносимым по всему, что делается вокруг меня; непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека, это ужасно». Та же тема повторяется в письме к графу В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г. и повторяется, если позволительно так выразиться, механически, нисколько не выражая сущности настроения Лагарпова воспитанника. Особенно странно читать слова: «придворная жизнь не для меня создана». Блистать же было несомненной страстью Александра. От престола, писал он Кочубею, «я дал себе клятву отказаться тем или другим способом» и, предусмотрительно указав, что «не могу еще положительно назначить время сего отречения» (Лагарпу было сказано несколько иначе, но столь же предусмотрительно), продолжал в таком тоне: «в наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов; при таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?» Стоит перейти от этого письма к запискам Чарторыйского, чтобы явственно представить себе, какая бездна ловкости и дипломатии скрывалась в Александре, и навсегда отказаться от мысли, что у Александра будто бы не было ни железной воли, ни удивительной способности оболъщать людей. Само собою разумеется, что в беседе с Адамом Чарторыйским критика екатерининской политики была столь же резка, насколько горяча была его страсть к великой Польше и к ее славному герою Костюшко. Князь Адам в первое время таких бесед просто почувствовал себя находящимся в каком-то невероятном

чаду. И как горько он должен был разочароваться гораздо позднее! Правда, он уже тогда слышал восторженные возгласы Александра: «Это по-нашему, по-гатчински». Как эти слова в устах Александра не согласовались с его фразой о даче на Рейне и тихой сельской обстановке! В переписке и беседах была одна несомненная правда: Александр I отрицательно относился к Екатерине: он был сыном своего отца и слишком хорошо помнил судьбу своего деда. Екатерина революционным путем вступила на престол в 1762 г.; в 1796 г. она умирала, обдумывая новый революционный шаг и предпринимая уже надлежащие действия. 16 сентября она объясняла Александру всю необходимость в интересах государства лишить престола Павла, его отца, и представила ему на просмотр все бумаги, относящиеся к делу. Александр вместо Павла должен был стать цесаревичем и 24 сентября 1796 г. отвечал Екатерине письмом с выражением своей глубокой признательности за дарованные ему императрицей милости, т. е. выражал свое согласие на устранение Павла, его отца, от престола и на предоставление престола непосредственно ему мимо отцовской очереди.

6 ноября 1796 г. не стало Екатерины, на престол вступил измученный, перепуганный, истерзанный сомнениями и страхами Павел; Александр стал цесаревичем на 19-м году своей жизни... Эта недолгая жизнь среди водоворота, бурлившего между Екатериной и Павлом, научила Александра очень многому; при императоре Павле образование его характера было закончено. С 7 ноября 1796 г. вахт-парад или развод, по словам Шильдера, «приобрел значение важного государственного дела и сделался на многие годы непременным ежедневным занятием русских самодержцев». Цесаревич Александр с жаром и страстью отдался вахт-парадному делу, работая па этом поприще вместе с «гатчинским капралом», генералом Аракчеевым; Александр вместе с тем был назначен полковником Семеновского полка, сыгравшим в его биографии столь большую роль. А. С. Шишков с негодованием писал: «Все пошло на прусскую статью — мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли, ордонанс-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы и даже крашение, как в Берлине, пестрою краскою мостов, будок и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра III». Увлекаясь сам марсоманией, Александр очень и очень наблюдает окружающее его общество и чутко прислушивается к его голосу, справедливо подмечая в этом голосе угрожающие тона. Уже 27 сентября 1797 г. он пишет Лагарпу письмо, которое лишний раз подчеркивает любовь Александра к фразе, которая могла бы обольщать, и к манере вечно казаться чем-то, чем угодно, но только не са-

мим собой. Письмо драгоценно как первоисточник, по которому можно судить о настроениях, бродивших тогда среди петербургских кругов, как свидетель определившегося разрыва между отцом и сыном. Сын вспомнил слова не любимой им бабушки Екатерины: Павел царствовать не может. Александр пишет Лагарпу, что посылает к нему Н. Н. Новосильцова «с исключительной целью повидать вас и спросить ваших советов и указаний в деле чрезвычайной важности — об обеспечении блага России при условии введения в ней свободной конституции». «Вам известны, — писал далее Александр, — различные злоупотребления, царившие при покойной императрице; они увеличивались по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть... Мой отец по вступлении на престол захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще. Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь; прибавьте к этому строгость, лишнюю малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены». Особенно знаменательна дальнейшая фраза, которая своим несоответствием с истинными вкусами Александра бьет в глаза чересчур резко. «Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпрепровождение». Протасов категорически заявляет, что Александр никаким научным занятиям не предавался, интересуясь совсем другим... <...> Он жаждет престола, жаждет власти и абсолютного первенства. «В настоящее время, — пишет он Лагарпу, — ... несчастное положение моего отечества заставляет придать моим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добро-

вольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей». Итак, «даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании — вот мое единственное желание». Важно не содержание этого письма, а его практическое последствие. С момента появления на свет этого письма Павел был в очевидной опасности. Его устранение от престола стало простым вопросом дня. Ведь еще во время коронационных торжеств цесаревич Александр поручил князю Адаму Чарторыйскому составить проект манифеста на случай вступления на престол Александра с возвещением его намерений изменить политический строй России. Одновременно с фразами о конституции росла дружба с Аракчеевым: «гатчинский капрал» так много трудился за шефа Семеновского полка, что не мог не быть для цесаревича, рвавшегося всею душой к престолу, безусловно необходимым. В письмах цесаревич неизменно называл Аракчеева своим любезным другом, а на параде 1 октября 1799 г. ввиду всеобщей радости по случаю отставки Аракчеева он публично назвал его иначе. Узнав от П. А. Тучкова⁷, что вместо Аракчеева назначен Амбразанцев, цесаревич заявил: «Ну, слава Богу, эти назначения настоящая потеря, могли бы напасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев». Ровно через две недели цесаревич из Гатчины писал Аракчееву письмо (от 15 октября 1799 г.), где называл его своим другом и уверял его в своей «непрестанной дружбе». Спустя немного времени цесаревич Александр при Павле очутился в роли цесаревича Павла при Екатерине. Павел открыто стал приближать к себе принца Евгения Вюртембергского, племянника императрицы Марии Феодоровны, и доверил барону И. И. Дибичу⁸ свое намерение усыновить принца Евгения, а сыну Александру лично напомнил историю царя Петра I и царевича Алексея Петровича. Этою беседой Павел открыто разрывал с сыном. В 1800 г. возможность заговора против Павла была очевидной, и граф Н. П. Папин говорил о том с цесаревичем. Цесаревич, казалось, жил незаметно среди резко крепчавших волн ропота и недовольства и всего больше сходиллся с офицерами Семеновского полка, который как раз сыграл главную роль в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Вознесенный милостями Павла санкт-петербургский генерал-губернатор, граф П. А. фон дер Пален становился все ближе и ближе к цесаревичу... и последний дал Палену карт-бланш действовать по его

усмотрению. Так Александр вступил па путь, обычный для XVIII века и не раз испробованный русским дворцом этого века. Но о дальнейшем не рассказать лучше, чем то сделано великим князем Николаем Михайловичем (в книге «Император Александр I. Опыт исторического исследования». СПб. 1912); относительно этого усмотрения Палена в названной книге говорится вполне ясно: «Что это означало? Да просто согласие наследника на исполнение заговора. Раз заговор был решен, началась серия жутких дней, потому что без ведома Александра граф Пален действовать не собирался. Нагляднейшим примером их отношений служит следующий эпизод... Ночное наступление на Михайловский замок было решено предварительно в ночь с 9 на 10 марта. Когда о сем было доложено Александру, он заметил Палену, что 9 марта было бы рискованно действовать, ибо в дворцовом карауле находятся преданные государю преображенцы, а что с 11 на 12 марта будет там по очереди караул от 3-го батальона семеновцев, за преданность которых ему, Александру, он ручается... Граф Пален не сразу согласился отложить назначенное предприятие и заявил наследнику <...> что весь заговор может быть раскрыт за эти два дня. Но Александр стоял на своем, и Пален, признав доводы основательными, согласился отложить злополучное дело до ночи 11 марта. Тем не менее и Пален оказался отчасти правым, так как 10 марта Александр вместе с братом Константином были арестованы во дворце домашним арестом. Словом, для каждого было ясно, что готовилось что-то необычное...». Далее автор категорически утверждает, что Александр «знал все подробности заговора, ничего не сделал, чтобы предотвратить его, а, напротив того, дал свое обдуманное согласие»... Результатом заговора были смерть императора Павла и вступление на престол Александра I.

